

ПЕДАГОГИКА ДЕЛА — ВЫХОД ИЗ КАДРОВОГО ТУПИКА

Алексей Кушнир

В Послании к Федеральному собранию Российской Федерации 26 мая этого года Президент В.В. Путин, говоря о задачах образования, подчеркнул, что условия глобальной конкуренции требуют от нас усиления практической направленности образования, что означает повышение требований к профессиональному образованию, которое не имеет сегодня устойчивой связи с рынком труда — при избыточном количестве дипломированных специалистов у нас сохраняется дефицит квалифицированных кадров.

Давайте разберёмся! Как надо понимать «практическую направленность образования» в условиях общеобразовательной школы? Из чего складывается понятие «квалифицированные кадры»? И достаточно ли профессионального обучения для того, чтобы «квалифицированные кадры» были трудоспособными?

Действующие нормативы общего образования подразумевают подготовку детей к профессиональной деятельности исключительно посредством трудового или технологического обучения, то есть эта подготовка сведена, в сущности, к начальному профессиональному обучению. Внедряемое профильное обучение, общий смысл которого в пропедевтике профессионального образования, мало что меняет в положении дел. Разрушительные последствия полувекового культивирования «школы обучения» или «школы ума» мы по-прежнему пытаемся преодолеть с помощью того же обучения. *Президентская директива о «практической направленности образования» прямо указывает на необходимость практической деятельности в содержании обучения, именно практики — делания чего-то конкретного. По нашему убеждению, для судеб российской школы чрезвычайно важно настоять на этой практической составляющей и не дать свести её в очередной раз к «изучению практики», то есть к обучению.*

В Послании Президент прямо говорит о неэффективности системы профессионального образования: «Сегодня профессиональное образование не имеет устойчивой связи с рынком труда. Более половины выпускников вузов не находят работу по специальности. <...> При этом по сравнению с советским периодом почти утроился приём в вузы и число поступающих в них фактически сравнялось с числом выпускников средних школ...» Но решит ли проблему квалифицированных кадров «повышение требований к профессиональному образованию» или уменьшение приёма в вузы? Ведь та же проблема «дефицита квалифициро-

ванных кадров», причём в особых условиях скрытой безработицы, была и в советское время. Токари и таксисты с высшим образованием, уникальные мастера типа «если протрезвеет», а также партийные управленцы с историческим, преимущественно, образованием, символизируют достижения массового профессионального образования советского периода. Дефицит высококвалифицированных кадров в промышленности в 80-х ощущался уже в полной мере. Это ведь тоже были признаки деградации системы подготовки кадров. Она деградировала тогда, продолжает деградировать и сейчас. Но причина этой деградации, на наш взгляд, кроется в ошибочном понимании того, откуда берутся «квалифицированные кадры».

По обыкновению, происхождение высококвалифицированных специалистов прямо связывается с профессиональным образованием. Умощнять профессиональное образование, безусловно, надо. Но ожидать при этом существенных изменений в состоянии кадровых ресурсов страны, на наш взгляд, нет оснований. И вот почему. В современной риторике на тему трудовых ресурсов совершенно упускается важный аспект профессионализма: общая трудоспособность молодёжи. Профессиональные знания, умения и навыки, даже так называемые компетентности, можно дать с помощью обучения. Но трудоспособность, понимаемая как элементарное трудолюбие, желание трудом, а не случайной халявой достигнуть успеха в жизни, может быть только воспитана. Так же обстоит дело и со здоровьем — важнейшей составляющей трудоспособности. Уже, кажется, у большинства педагогов развеялись иллюзии по поводу того, что можно научить здоровью или здоровому образу жизни с помощью уроков валеологии. *Привычку к здоровому образу жизни можно только воспитать в ежедневной практике правильно организованной жизни.* Вот чего у нас нет сейчас и не было в последние десятилетия советского времени — воспитания. Можно ли «ме-

тодом моральной проповеди» привить человеку «привычку к труду благородную»? Очевидно, что нет. А методом «игры в труд»? Тоже нет! А с помощью «учебного труда»? И подавно нет! «Профессиональное обучение» или «профессиональное образование», состоящие из «учебного труда», «моральных проповедей», «развивающих упражнений» и «деловых игр», таких привычек не создают. Да и поздно начинать воспитывать эти привычки в системе профессионального образования!

Сколько часов в день сызмальства надо быть занятым подлинным производственным трудом, причём привлекательным для ребёнка, чтобы эта, важнейшая для жизни, привычка в нём проросла, окрепла и стала частью индивидуального характера? Разные специалисты ответят на вопрос по-разному, но сойдутся в одном: привычки вырастают из рутины повседневности. По Макаренко воспитание — это педагогизация всей жизни детей в мельчайших деталях. А это и есть не что иное, как организация педагогически целесообразного образа жизни. Для того чтобы обрести столь важную для жизни привычку, как минимум, два часа в день школьник должен иметь возможность с увлечением погружаться в дело — работать на школьном производстве и иметь прямую заинтересованность в результатах этой деятельности! В недрах массовой советской школы, как и в недрах массовой российской школы, вы найдёте неисчислимое множество «педагогических инноваций», но не найдёте каждодневного, привлекательного для детей, желательного — высокотехнологичного, производственного труда. Да, где-то, когда-то было, да, где-то временами возникало, но было это давно и держалось недолго!

Иногда нам говорят, что в советское время была система воспитания. Система воспитания идеологического послушания действительно была. Но чего стоит воспитание, которое не воспитывает привычку к труду? На наш взгляд, — ничего не стоит. Оно бес-

смысленно! И кадровая деградация страны — лучшее тому свидетельство.

Вспомним, как обстояло дело с довоенными кадрами, вышедшими из села, где труд — естественная основа жизни, и с теми, кто прошёл в молодые годы суровую трудовую закалку военных и послевоенных лет. Мальчишки на снарядных ящиках у станков стали золотым кадровым запасом страны, поднявшим наши авиационные, космические и атомные программы на мировой уровень. Что же станем делать теперь? Такие, с натруженными руками, мальчишки и девчонки давно уже не приходят в наши вузы и тем более не идут на заводы. Что у них за плечами? Тусовки и дискотеки, «балдэж» да безделье. А мы делаем в очередной раз ставку на систему профессионального образования и будем давать профессии людям, которые не хотят в жизни работать. Вернее, они, может, теоретически и хотят, но не могут. Нет такой привычки! В лучшем случае они хотят всю жизнь учиться. Кого-то жизнь заставит, привыкнет ляжку тянуть. Но большинство-то будет скакать с места на место в поисках привычного образа жизни, чтобы не напрягаться.

Тупик получается...

Путь из тупика — ростки снизу.

Тридцать школ-хозяйств, приехавшие в Ессентуки на Второй Международный конкурс имени А.С. Макаренко, тысячи школ, которые не приехали, но разделяют точку зрения на воспитание, согласно которой подлинное воспитание — это не череда красивых мероприятий, а образ жизни, прививающий полезные привычки. Таких, например, как заботиться о близких, содержать в чистоте тело, жилище и рабочее место, быть занятым и полезным, находить себе дело и не пребывать в праздности. Это и будет *собственно воспитание* в отличие от «воспитывающего обучения», шагистики с речёвками и тимуровских команд на новый лад. Школьная воспитательная система должна иметь соответствующую инфраструктуру воспитания, которая позволяла бы минимум на два часа в день занять интересным и про-

дуктивным делом каждого ученика.

Да чтобы дело делалось с огоньком, да чтобы можно было расти в этом деле, да чтобы результаты этого труда радовали людей, да чтобы ещё была моральная и материальная заинтересованность, да ещё много чего! Не будет такой инфраструктуры — не будет массовой занятости детей, не будет у них и «привычки к труду благородной». А что будет? Будет массовая праздность, жёсткое социальное расслоение, пиво утром, днём и вечером, повальная лень у телевизора и окончательная деградация страны. Может быть, это и есть та цель, которую ставят перед собой теоретики воспитания, с маниакальным упорством предлагающие школе воспитывать средствами урока физики (математики, истории, географии и т.д.)?

Создавать инфраструктуру подлинного воспитания куда труднее, чем разруливать финансовые потоки и одаривать школы компьютерами. Это и задача другого порядка, поскольку прямо связана с проектированием позитивного будущего страны. Это и ответственность другого порядка! Вот и не берётся за неё пока никто. Робкие сентенции нашего отраслевого министерства на тему трудового воспитания пока просто не в счёт. Там ещё царят иллюзии, что воспитывать школьников можно с помощью мероприятий и чтения книжек. То есть словами. Например, трудолюбие — словами о трудолюбии. Специалисты и руководители, понимающие суть воспитательного дела, в министерстве, безусловно, есть. При личных встречах и на словах мы встречаем полное сочувствие, а в наших начинаниях — даже некоторое содействие. Но вот на страницы официальных инструктивно-методических документов это сочувствие и понимание пробиваются с большим трудом. Чтобы убедиться в этом, достаточно исследовать официальный сайт Министерства образования и науки на предмет встречаемости понятий *воспитание, занятость детей, организация детского труда* и т.п., в сравнении, скажем, с понятием *обуче-*

ние. А у нас если не одобрено сверху, то снизу, как водится, пруд пруди рьяных оппонентов.

Оппонентами нашего воспитательного сценария, сходу отрицающими «педагогику дела», являются те, кто искренне считает, что производственная занятость детей отвлекает их и школу от «профильной деятельности», от главной задачи и функции — учиться и учить. С каких это пор воспитать человека, привить ему, например, привычку в жизни трудиться перестало быть профильной задачей школы?

Целый класс наших оппонентов образуют те, кто слышит только себя: им чудится, что мы призываем дать каждому школьнику по лопате, а под «производственной занятостью» понимаем исключительно физический труд, причём малопривлекательный и тяжёлый. Концертная, исследовательская (не понарошку исследовательская), педагогическая деятельность детей, проще говоря, всякая полезная, социально значимая и систематическая деятельность детей является производящей, продуктивной и т.д. Работает, например, ученическое переводческое бюро, оказывает услуги населению, зарабатывает и развивается — купили несколько компьютеров, систему машинного перевода, подключились к Интернету, научились предлагать свои услуги и отстаивать свои интересы. Мало того, трудоустроили своих выпускников, уже ставших студентами. Или школьная экологическая служба, которая уже несколько лет по заказу Комитета охраны природы осуществляет мониторинг состояния водоёмов.

Отчего же сводить понятие школьного производства к грядкам, лопатам и физическому труду? Впрочем, здесь есть особенная проблема, для разрешения которой требуется участие фундаментальной науки. Многие психофизиологи на основании эмпирических фактов давно бьют тревогу: отсутствие в образе жизни ручного труда имеет в качестве последствий не только гиподинамию, существенно нарушаются естественные ме-

ханизмы формирования интеллекта, происходит расщепление слова и образа, мысли и чувства, ума и воли. Именно этот системный дефект массовой школьной технологии успешно обходят стороной школы Монтессори.

В этом вопросе важно чётко разделить производительную занятость детей и обучение детей той или иной технологии. При кажущемся сходстве происходящего внутреннее психологическое содержание деятельности принципиально разное. Воспитательный потенциал производственного труда и учебных, в сущности, занятий в кружке тоже принципиально разный.

Есть ещё одна разновидность то ли оппонентов, то ли просто равнодушных и случайных людей в образовании: зовём на конкурс имени А.С. Макаренко, — приезжайте, поучитесь у людей, таких же, как и вы, педагогов, как на сто пятьдесят учеников в сельской школе иметь пятьдесят компьютеров (могли бы иметь сто, да не хотят). Отвечают: приехать не могут, денег нет! Ну не можете приехать делегацией, не можете прислать школу на конкурс, — отправьте одного специалиста. Поучитесь у взрослых людей, узнаете, где деньги лежат. Нет! Денег нет и не надо! Это запрограммированное безденежье в мозгах просто удручает.

Наконец, нельзя не вспомнить ещё об одной категории особо опасных гонителей *педагогики дела* — о тех, кто приравнял хозяйственную деятельность школы, реинвестирующей прибыль в учебный процесс, по сути, восполняющей обязанности государства, к коммерческой деятельности предпринимателя, использующего прибыль для личного потребления и развития. *Я говорю о наших законодателях, которые уже несколько созывов завинчивают гайки на школьной автономии. Это же додуматься надо: школа вырастила кабанчика, скормила его детям, а теперь должна показать этого поросянка в хозяйственном обороте и заплатить с него налог.*

У этих депутатов ведь тоже были учителя! Я предлагаю: пусть те учителя, которые учили нынешних депутатов, объяснят, что они им в головы вкладывали?

От депутатов не отстают и некоторые муниципальные администраторы. Прошлым летом на маленькой улочке Сортавала — города, в котором родился, я случайно разговорился с завучем одной из местных школ. Спрашиваю: школа зарабатывает как-нибудь? Да, зарабатывает. Грустно так говорит. А в чём проблема? Оказывается, что школа этими средствами сама распорядиться не может. Их могут просто забрать на латание коммунальных дыр. *Слюбым мелким вопросом о расходовании средств, заработанных школой, нужно идти в городскую администрацию и унижаться, выпрашивая собственные кровные. С такими стратегиями мы окончательно выьем из школы и учителя последнюю способность к самоорганизации и саморазвитию.*

А вообще-то грустно... Это же надо было нашему школьному делу докатиться до состояния, когда главное содержание жизни каждого нормального человека — труд — буквально выпал из педагогических раскладов. Мы вынуждены теперь заново создавать инфраструктуру подлинного воспитания — значит, создать инфраструктуру дела. Как для школьников, так и для выпускников вузов. Ведь Дела — дела с большой буквы — вот чего нет сегодня в стране. Парадокс получается. Дел столько, что всем миром не переделать. А дела для молодёжи нет.

И у государства, соответственно, голова должна болеть не о сокращении числа мест в высших учебных заведениях, а о том, чтобы проектировать и строить инфраструктуры дела и обеспечить полную занятость всех — от мала до велика.

И вот мы дождались! Президент страны сказал слово: образование должно иметь практическую направленность. Для нас, редакционного коллектива «Народного образования», вот уже несколько лет вопиющих о том, что обучение не может заменить воспитание, что проблема воспитания может быть решена только посредством продуктивной занятости детей, что привычка к труду в жизни куда важнее знания суффиксов и закона Ома, что привычку к труду можно воспитать только в труде, слова Президента означают первую официальную поддержку педагогики Дела.

Этот выпуск «Народного образования» посвящается приверженцам «Педагогики Дела», последователям Константина Ушинского, Джона Дьюи, Георга Кершенштейнера, Антона Макаренко, Станислава Шацкого, Василия Сухомлинского, Александра Католикова и других педагогов, хорошо знавших главный секрет успешного воспитания: праздность — мать всех пороков, а труд — отец добродетелей. Уж им-то не надо было бы доказывать тезис о ключевой роли труда в воспитании. **НО**